

КОЧЕВНИКИ В МИРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

УДК 338:001.895 (4/8)
DOI: 10.17223/2312461X/14/7

КОЧЕВНИКИ В МИРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ АДАПТАЦИИ*

Виктор Владимирович Карлов

Аннотация. Рассматриваются проблемы исследования кочевых народов и культур в Новое и Новейшее время. По мнению автора, сложившиеся в научной традиции подходы к кочевым цивилизациям Евразии в основном как к реликту доиндустриальной стадии развития, рассмотрение их хозяйства и социальной организации как феномена социумов архаического типа нуждаются в пересмотре, так как уже длительный период существования бывших и нынешних кочевых обществ в условиях контакта и взаимодействия с миром эпохи модерна и постмодерна привнесли в систему жизнедеятельности этих обществ много новаций и инноваций, ставших для кочевых народов функционально необходимыми. Этот опыт и результаты воздействия на бытие кочевников связей с культурным миром индустриальной и постиндустриальной эпох нуждаются в изучении и систематизации, которые необходимы для осмысления перспектив воспроизводства и видоизменения этнокультурной специфики современных кочевников. Автор приводит характерные примеры таких изменений у ряда народов России и сопредельных стран (коренные малочисленные народы Сибири, кочевники степной зоны), отмечая основания для этнической идентификации и ее сохранения или трансформации в условиях этих перемен и анализируя возможные перспективы и особенности воспроизводства кочевых народов и их традиций в специфических обстоятельствах бытия постиндустриального мира.

Ключевые слова: кочевники субарктической и степной зон Евразии, специфика бытия в условиях модерна и постмодерна, этнокультурное воспроизводство, характер контакта кочевых и оседлых обществ

История кочевых обществ и их судьба в XXI в. – своеобразный и недостаточно исследованный в исторической и социально-антропологической науке комплекс сюжетов и научных проблем. Нельзя сказать, что исследователи обошли вниманием историю и культуры кочевников. Напротив, кочевым культурам и культурам отдельных народов мира, как культурно-хозяйственному феномену человечества, посвящено огромное число исследований, среди которых многие разра-

* Работа выполнена в рамках проекта «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире» (РГНФ, грант № 15-01-00442).

ботки имеют фундаментальный характер и составляют несомненный вклад в науку. В последние десятилетия все больше привлекают внимание исследователей многие аспекты жизни кочевников разных областей ойкумены в современных условиях, что находит отражение в многочисленных публикациях журнала «Nomadic Peoples», в других зарубежных и отечественных изданиях (Хазанов и др. 2016: 5–82). Вместе с тем накопленный к настоящему времени фактический материал не только нуждается в обобщении. Представляется, что принципиальные изменения, происходящие в способах адаптации всего человечества в среде обитания в постиндустриальную эпоху, вносят в жизнь бывших и настоящих кочевых народов немало новых черт, побуждающих к постановке вопроса об опыте их адаптации в эпохи модерна и постмодерна и перспективах существования и воспроизводства таких обществ в новых обстоятельствах.

Кочевые народы и культуры Евразии в эпоху модерна

Анализируя имеющиеся крупные исследования кочевых народов и культур, нельзя не заметить, что подавляющее большинство работ обобщающего характера посвящены историческому прошлому кочевников. И это по-своему объяснимо: кочевые культуры, если оценивать всю динамику культурно-хозяйственного развития мира, как бы остаются в глубинных слоях истории. Еще в эпоху становления человечества все население земли вело достаточно подвижный образ жизни, было по существу кочевым. Специализация хозяйства периода перехода к цивилизации выдвинула на первый план оседлые земледельческие народы и культуры, обладавшие огромным потенциалом социально-политического, культурного, хозяйственного и технического развития. Но и тогда кочевое население мира и его образ жизни сохранили важное культурно-хозяйственное значение: они позволили человеку освоить для обитания огромные пространства аридных и субарктических зон.

По справедливому замечанию Д.Е. Еремеева, «широкий степной пояс Евразии, от Карпат до Хуанхэ, пустыни Средней и Центральной Азии, Аравии и Северной Африки, тундра Евразии, – все эти гигантские территории были освоены именно кочевыми скотоводами» (Еремеев 1979: 13). Однако, как признает большинство авторов, освоив и приспособив для жизни отдаленные и трудные для обитания человека пространства, вместе с тем, при переходе к эпохе модерна, в эту новую систему жизнедеятельности человека кочевники не вполне вписались, или, другими словами, когда оседлое население вступило в эру динамичных хозяйственно-культурных преобразований, кочевые цивилизации, будучи по-своему самодостаточными, оставались от новых веяний в экономике и образе жизни как бы в стороне. А потому сложившееся

их восприятие как некоего застывшего в развитии феномена доиндустриальной эпохи в какой-то степени объяснимо. Между тем многие кочевые в прошлом народы ни в эпоху модерна, ни даже до сих пор еще не полностью утратив традиционный образ жизни и навыки жизнеобеспечения, но в той или иной степени, хотя и по-разному, приспособились к условиям хозяйствования и повседневного бытия в индустриальном и постиндустриальном мире, создали свои способы и каналы связи с ним и, главное, интернализировали функционально важные для своего жизнеобеспечения его достижения.

Тем не менее в этнологической литературе кочевые народы и культуры по-прежнему вызывали интерес больше как феномены именно традиционного доиндустриального быта, поэтому исследователи стремились к изучению специфики этого быта в «чистом виде», свободном от внешних влияний и наслоений. В исторической литературе чаще обращалось внимание на сложные и дискуссионные проблемы определения формационного уровня, социально-политического устройства кочевых народов, характера их взаимоотношений с оседлыми соседями, и это тоже объяснимо, так как специфика данных отношений наложила яркий и глубокий отпечаток на ход мировой истории (Трепавлов 2015). В таком ракурсе специалисты по кочевникам сделали ряд принципиально важных наблюдений и обобщений. Например, что касается этих отношений в доиндустриальный период истории, отмечалось, что кочевники, опираясь на военную силу и четкую организацию социума, часто занимали господствующее положение по отношению к оседлым земледельческим народам и государствам. Однако в индустриальную эпоху соотношение резко изменилось: оседлые цивилизации, опираясь на технические достижения нового времени, определившие уже их военное превосходство, смогли победить и подчинить кочевников (Крадин 1994: 65–67, 70). С этого времени начинается регресс кочевых цивилизаций и культур, или, по меньшей мере, их стагнация. Поэтому относительно справедливо мнение, высказанное современными авторами, о том, что «кочевые общества в принципе очень консервативны, их хозяйство, социальная структура более тысячелетия практически не меняются, <...> и экстраполяция выводов, сделанных при изучении киргизов, казахов, монголов и т.д. [авторы имеют в виду данные XIX – начала XX в. – В.К.], на, скажем, болгар, хазар или угров VIII–X вв. вполне допустима» (Тортика, Михеев, Кортнев 1994: 51).

С высказанным утверждением можно согласиться, однако, лишь частично. Действительно, внешне условия жизни, быта и хозяйственных занятий казались неизменными, а социальная структура, построенная по принципу генеалогического древа, несмотря на постоянно происходившие частичные модификации в построении генеалогий и наименованиях их частей, принципиально однотипной – по крайней мере, как

форма социальной связи. Однако внутренние изменения в любых кочевых обществах, произошедшие в том числе в связи с новыми явлениями в формах и способах их взаимодействия с окружающим населением в условиях нового времени и индустриальной цивилизации, не всегда заметные внешне, были весьма существенными.

В научной этнологической традиции долгое время, практически в течение всего XX в., отношение к цивилизациям, не достигшим в своем саморазвитии стадии индустриальной модернизации, к сожалению, характеризовалось некоей статикой или акцентом только лишь на традиционные явления и институты в хозяйстве и образе жизни. Это несмотря на то, что многие из автохтонных обществ, сохранявших кочевые традиции, в том числе в сфере жизнеобеспечения, на самом деле не одно уже столетие жили в контакте с индустриальным обществом. В этнографической науке в XX в. долго продолжали преобладать фактически эволюционистские подходы к доиндустриальным обществам, и всякие отклонения от традиционного уклада жизни трактовались обычно лишь как следствие разлагающегося традиционный быт и социальные институты влияния пришлого населения и торговли. Попытки серьезно проанализировать структурные изменения в культуре автохтонов в новых обстоятельствах как следствие контакта с индустриальным обществом были редкими. Эти сюжеты больше занимали историков, чем этнологов.

По-своему закономерно, что одним из первых среди этнологов пристальное внимание на необходимость учета влияния индустриального окружения на жизнедеятельность традиционных обществ в новое время обратил известный отечественный исследователь С.М. Широкогоров. Он вошел в историю науки как автор разработки научного подхода к этносу, основанного на поиске и выведении некоей формулы этнической общности, построенной на фиксации и математическом подсчете способа ее связи с природной средой. По-видимому, в поисках решения данной задачи С.М. Широкогоров и пришел к мысли о том, что одной совокупности таких параметров недостаточно, необходим учет перемен в образе жизни автохтонов и характере их динамики, включая обязательный анализ хронологических изменений. Он обозначал совокупность этих факторов термином «межэтническое давление», понимая под ним контакты на межэтническом уровне и их влияние на исследуемый социум. В письме к В. Мюльману Широкогоров говорит о том, что, когда-то поставив перед собой такую задачу, он «не ожидал встретить столь сильное межэтническое давление у так называемых примитивных народов (людей природы)», приводя в пример свои наблюдения среди тунгусов. «Этнографии старой школы, – писал он, – этот фактор в системе этнического равновесия и в формировании и существовании этнических общностей “людей природы” был неведом» (Широкогоров

2002: 152). В какой-то мере, и немалой, недоучет данного фактора сохранился в нашей (и не только нашей) этнологической традиции по сей день. В монографиях и учебниках комплекс культуры того или иного из кочевых народов изображается, как правило, в некоей статике, а рассуждения о современном их бытии и перспективах воспроизводства слишком мало учитывают характер, динамику и глубину внедрения новаций. Исключением стало только относительно недавнее фундаментальное исследование А.М. Хазанова, выполненное на материале истории кочевых народов степной зоны Евразии (Хазанов 2002). До этого антропологи обычно предпочитали констатировать исчезновение тех или иных из традиционных явлений в хозяйстве, образе жизни и мировосприятии, чем исследовать и анализировать современную жизнедеятельность народов во всей полноте их воспроизводственных связей как целостное явление сегодняшнего дня, *включая все необходимые для этого воспроизводства компоненты, независимо от их этнической «маркировки».*

Такой подход культурного антрополога, делающего акцент на описании традиционного быта, лишь наблюдая за исчезновением фундаментальных или второстепенных по значимости элементов этнической культуры, конечно, в какой-то степени можно понять. Когда объем и значение новообразований или заимствований грозят перейти критическую черту, перевесив традиционные явления, за этой чертой может очень скоро последовать исчезновение народа как носителя уникальной культуры. И вот здесь одним из ключевых аспектов исследовательского анализа и мониторинга должно быть изучение характера и механизмов «межэтнического давления» и его функционального значения для закономерностей и специфики воспроизводства народов, имевших или ныне сохраняющих кочевые традиции в те или иные эпохи, прежде всего, если говорить о перспективах, в эпоху модерна и постмодерна. В такой постановке вопроса видится возможность адекватной оценки совокупности культурных явлений, обеспечивающих сохранение этнокультурной идентификации современного кочевника.

В качестве примера для иллюстрации важности такого подхода можно привести данные о переменах в бытии некоторых обществ, сохранявших подвижный образ жизни, в условиях контакта с российским миром после вхождения в состав Русского государства. Ведь это было время, когда в структуре жизнедеятельности его населения с различной степенью интенсивности разворачивались процессы модернизации. Обратимся, в частности, к известным историческим фактам, касающимся некоторых кочевых народов сибирского севера, а также кочевников-казахов.

Кочевники Северной Азии в XVII–XX вв.

Отличием периода, начавшегося с XVII–XVIII вв., было то, что, какими бы сложными и динамичными процессы этнокультурного развития и взаимодействия народов Сибири ни были, до появления русских это все же всегда были и оставались типологически близкие феномены культурной истории, в ходе которой шли выработка и изменение черт хозяйства, бытовой культуры и верований, но главной их чертой неизменно было натуральное самообеспечение во всех его многообразнейших ипостасях.

Если же обратиться к вопросу о функционировании и воспроизводстве культур народов Сибири в индустриальную эпоху, то сразу следует подчеркнуть, что натуральное самообеспечение и здесь было и оставалось (в какой-то мере осталось и до наших дней) основой бытия малочисленных этносов, для которых промысловое хозяйство, связанное с подвижным образом жизни, еще не утратило этой своей главной функции. Однако новая эпоха привнесла в быт автохтонов ряд новаций, немалое число которых, относясь к иному типу отношений в социуме, быстро приобрели функционально важные черты. Хотя о разлагающем влиянии торговли на культуры промысловых народов было написано довольно много, тем не менее эта проблематика чаще преподносилась в литературе просто как постепенная деструкция традиционного хозяйства и быта. Между тем значение этих новаций было далеко не просто в разложении традиционных структур, но в постепенном появлении и укоренении совершенно новых функций торговли и обмена для бытия автохтонов и воспроизводства основ жизнедеятельности.

Начало этого процесса в XVII в. было в свое время подробно описано С.В. Бахрушиным. Он посвятил ряд работ, выполненных на основе источников, сибирской торговле того времени (Бахрушин 1955 а, б; 1959). Им было подчеркнуто значение для развития торговли в Сибири такого явления, первоначально связанного с наймом «охочих людей» промышленниками на соболиные промыслы, как покрута (от слова «крутить», т.е. нанимать). Ее смысл заключался в том, что наниматель снабжал своих наемных охотников всем необходимым (продовольствием, боеприпасами и т.п.), а рассчитывались они за все это по окончании промысла добытой пушниной. «Революционное» воздействие покруты на жизнь автохтонов началось уже в том же XVII в., когда в Сибири появились постоянное русское крестьянское и служилое население. Они-то и перенесли подобные отношения на свои контакты с автохтонами, с которыми у многих такие связи завязались уже на постоянной основе. «Покрученники» стали поддерживать обменные отношения со своими «благодетелями» иногда целыми семьями и из поколения в поколение.

Промежуточный результат развития этих связей и их значения в истинно социально-антропологическом аспекте уже к середине XIX в. подметил внимательный и проницательный наблюдатель А.Ф. Миддендорф, выразив его короткой, но емкой фразой: «Переход от лука и стрелы к огнестрельному оружию, от меховой к тканой одежде составили скачки, повергавшие человека в новый мир» (Миддендорф 1878: 641). Скачки составили, конечно, не просто появление новых не производившихся на месте вещей, но то обстоятельство, что если ранее все взаимоотношения в социуме строились на чисто личностной микрогрупповой основе, то теперь личностные отношения начали уступать свое прежнее значение отношениям вещным, опосредованным, по сути своей обезличенным.

Более того, последние связи постепенно приобрели функционально важный характер, стали превращаться в один из важнейших компонентов системы жизнеобеспечения: к XIX в. отношения типа покруты проникли уже и в среду самих автохтонов. В результате в автохтонных обществах стали быстро прогрессировать социальное неравенство, кабала, прямая или завуалированная эксплуатация, обнищание одних и обогащение других. В ряде случаев эти тенденции стали оборачиваться почти полной деэтнизацией целых групп малочисленных народов. Но главное, что принесло развитие этих процессов: при сохранении ведущего значения натурального самообеспечения, связь с рынком и «товаризация» отдельных отраслей (пушной охоты, промыслового рыболовства на крупных реках) становились столь же необходимыми жизнеобеспечивающими элементами хозяйства и быта, как и традиционные отрасли. Они давали возможность приобретать боеприпасы и муку, а без того и другого нормальное функционирование хозяйства сделалось уже невозможным. И это представляется своего рода локальным вариантом вписывания аборигенных обществ в систему отношений с торгово-промышленной цивилизацией «метрополии». Если же задаться вопросом о том, что именно для автохтонных народов в этих условиях составляло основу идентификации, то в данном случае это будет все-таки сохранение оснований натурального самообеспечения и связанных с ним хозяйственных навыков как главного идентификатора.

Следует сказать об особом варианте системы жизнеобеспечения, появившейся в евразийской тундре с развитием крупностадного оленеводства ненецкого типа. Внешне этот тип хозяйства выглядел более автономным и самодостаточным в сравнении с жизнью и бытом, например, таежных эвенкийских групп. Здесь зависимость от торговли и обмена с «метрополией» была не так заметно выражена, производитель-оленовод себя обеспечивал собственным продуктом (мясо оленя, шкуры) как будто вне прямой связи с рынком и торговлей. Однако история процесса становления этого самого позднего хозяйственно-

культурного типа у автохтонов региона заставляет задуматься о том, почему данный тип хозяйства складывается только после включения Сибири в состав России, т.е. уже в условиях контакта с индустриализирующимся русским миром. Не был ли этот контакт с торгово-промышленным населением тем самым толчком, который повлек за собой быстрый прогресс в укрупнении стад и в переходе к крупностадному оленеводству? Ведь до XVII в. источники фиксировали численность домашних оленей в распоряжении одной семьи не более ста голов. Обладание более крупными стадами и стало, по-видимому, тем преимуществом в жизнеобеспечении (включая завоз покупных изделий и продуктов в тундру), за которым последовало фактическое полное вытеснение популяции диких оленей и замена ее стадами домашних: по подсчетам биологов, возможности северных пастбищ ограничены, одновременно прокормить и дикую, и домашнюю популяцию оленей они не могут. До XVII в. балансирование населения, промышлявшего охотой на «дикаря», и хозяев домашних стад продолжалось несколько столетий, но в итоге завершилось победой вторых и поглощением, ассимиляцией первых. И при этой победе в среде победителей достаточно быстро произошло социальное расслоение, вплоть до становления вполне характерных для эпохи модерна отношений найма пастухов из числа обедневших соплеменников богатыми оленеводами.

Новый вариант контакта индустриальной цивилизации эпохи модерна с автохтонными народами, сохранявшими подвижный образ жизни, стал развиваться в советский период. Советские преобразования жизни малочисленных народов были ориентированы на сохранение и развитие функционально необходимых связей с «метрополией» и индустриальным обществом, но с одной очень существенной разницей: ставилась задача свести на нет, а в перспективе вообще исключить неравноправные торгово-обменные отношения. Ставка делалась на традиционное развитие широких коллективистских начал, трудовой производственной кооперации (необходимой принадлежности комплексного хозяйства), с утверждением в этой сфере равноправных трудовых отношений, и на искоренение неравноправных неэквивалентных отношений из сферы снабженческо-сбытовой. Одновременно предпринимались шаги по развитию образования и медицинского обслуживания, созданию системы обучения (для чего была проведена большая работа по созданию младописьменных языков). Все это могло иметь неплохие перспективы для нормального функционирования культур малочисленных народов и их воспроизводства. Важно подчеркнуть, что изменения в характере связей с индустриальным миром (попытки исключения неравноправных отношений и торгового гнета) оставляли главное в основах этнокультурной идентификации: традиционные навыки жизнеобеспечения в виде промыслового хозяйства и рассредоточенного рас-

селения. Вкупе с попытками исключить социальное неравенство, все это создавало возможности более или менее благоприятного встраивания в систему взаимоотношений с индустриальным миром. Тем более что меры, принятые в целях развития образования, улучшения условий быта, попытки создать систему подготовки специалистов со средним и высшим образованием из числа коренных народов, в перспективе открывали реальные возможности для более свободного выбора жизненного пути и социальной динамики, причем далеко не всегда сопряженной со сменой этнической идентичности.

В ходе коллективизации на Севере было сделано, конечно, немало ошибок, иногда левачьи в основе меры объяснялись не вполне адекватным пониманием со стороны властей специфики местного быта и хозяйства. Особенно острое неприятие попыток обобществления поголовья оленей в собственности колхозов было отмечено в ненецких тундрах, вызвав даже известные антисоветские восстания, жестоко подавленные властями. Такое отношение вполне объяснимо, если исходить из того факта, что ненецкое крупностадное оленеводство было по своему характеру феноменом, рожденным именно в эпоху модерна. Коллективистские начала в нем уступали по значимости началам частнособственническим. При этом сочетание частной формы собственности на оленей и относительная автономность семьи в ведении хозяйства своеобразно сочетались с коллективными формами социальной связи, основанной на родственных и соседских отношениях, задолго до советских преобразований (Головнёв 2009: 338–348). Не случайно и то, что фактический паритет интересов колхозных и частных форм владения стадом сложился в послевоенные годы только тогда, когда власти практически стали закрывать глаза на весьма условную грань между личными и колхозно-совхозными оленями, которые выпасались бригадой оленеводов совместно, однако хозяева всегда хорошо знали при этом, какие животные кому принадлежат, хотя формально нередко все числились колхозными.

Таким образом, несмотря на многие «издержки», можно предполагать, что советский опыт первых десятилетий после революции представлял собой достаточно приемлемый вариант встраивания автохтонных обществ в подвижные и относительно благоприятные и перспективные варианты взаимоотношений с обществом модерна советского типа, так как, создав коренному населению возможности для некоторого выбора жизненного пути и социальной динамики, он в целом сохранил основы его этнокультурной специфичности и основания для ее воспроизводства, хотя и с существенными изменениями и новациями.

Однако с 1960-х гг. постепенные «преобразовательные» процессы на Севере подверглись негативному воздействию ряда неверных управленческих решений. Жизнь народов Севера попытались выстроить по

принципам действия современной индустриальной цивилизации, со свойственной ей дробной дифференциацией деятельности, зависимостью производителя в одной сфере от множества субъектов хозяйствования, производителей и их организаций в других сферах. Для этого было фактически нарушены традиционные для Севера микроареальное расселение и природопользование, укрупнены поселки, созданы в них школы-интернаты. В итоге основы традиционного хозяйствования были существенно деформированы. Новые принципы не учитывали важнейшей особенности жизни северян: человек и микрообщина здесь не могут не быть максимально самодостаточны и автономны в главных компонентах жизнеобеспечения. Зависимость же от громоздких крупных организаций (в сфере транспорта, связи, ввоза продовольствия и товаров) здесь всегда встречалась и будет встречаться с непреодолимыми сложностями и неисчислимыми для таких организаций затратами, т.е. финансовой неэффективностью.

Выход из такого неразрешимого противоречия так и не был найден. Не случайно одной из попыток его найти, и не самой плохой, стало внедрение в отдельных хозяйствах (в оленеводстве, рыболовстве) так называемого вахтового метода, по примеру нефтяников и газовиков. Однако не решенным и, по сути дела, нерешаемым на принципах действия обществ эпохи модерна, кругом вопросов оставались мало совместимые с условиями жизни и быта народов Севера основания бытия по принципам индустриализированного общества, где жизнь отдельного человека тесно зависима от функциональной связи с жизнью не только многих других людей, но и с работой целого ряда крупных корпораций или организаций – профессионально-целевых структур. Препятствием внедрения такой структуры деятельности на Севере продолжала оставаться необходимость в сохранении относительной, но функционально необходимой, автономности в жизнеобеспечении локально разобщенных – друг от друга и от «материка» – частей населения региона.

Скотоводы евразийских степей в эпоху модерна

Существенно иную специфику контактов с российским обществом эпохи модерна представляли кочевники южной степной полосы государства. Среди них едва ли не в наибольшей степени до событий 1917 г. и последующих лет кочевой образ жизни смогли сохранить казахи, значительная часть которых вошла в состав империи уже в XVIII в. Но с тех пор за пару веков основная масса казахов внешне как будто мало изменила традиционные кочевые порядки: натуральное хозяйство скотоводов-номадов с сезонной сменой мест обитания. Впрочем, переселенческая политика русской администрации привела не только к появлению на пригодных для земледелия территориях посто-

янного русского населения и к активной его специализации на товарном производстве хлеба для российского рынка, но отчасти повлияла и на увеличение доли земледелия в хозяйстве некоторых казахских групп. Но еще важнее было то, что развитие экономических связей казахских территорий с центром России ориентировало хозяйства скотоводов на постепенное включение в товарное производство скота, сначала в кустарных, а затем и в промышленных масштабах. Для этого поначалу еще не надо было резко менять способы ведения хозяйства и быт. Но мало-помалу в недрах традиционных общинных связей вызревало и становилось более и более затрагивающим этот традиционный быт социальное неравенство, накопление больших стад у богатых владельцев и обнищание маломощных, уже не сводивших концы с концами хозяев, вынужденных продавать или отдавать скот в аренду и фактически становиться наемными рабочими. Одной из распространенных форм, по сути, наемного труда, с древности существовавшей у казахов, была раздача богачами скота на выпас малоимущим беднякам, «саун», часто просто за право пользования молоком и мясом принятого скота на период выпаса. Но если в доиндустриальный период «саун» нередко имел черты родственно-соседской взаимопомощи, в новое время в нем стали более заметны элементы найма.

В зажиточной среде казахских общин появились уже профессиональные скупщики и торговцы, сложилась своего рода специализация на разных видах операций. В кочевых районах преобладала развозная торговля «по кошам», когда из крупных городов в степь выезжали сотни, а из более мелких – десятки торговцев (так называемых саудегеров). Они, ведя в отдаленных аулах неэквивалентный обмен завозимых товаров на продукты животноводства, не пренебрегали и ростовщическими операциями. Другая группа казахских торговцев, владевших русским языком, успешно специализировалась на торговом посредничестве между русскими и казахскими поселениями. В уездах, прилегавших к крупным городам и ярмарочным центрам, действовали перекупщики скота-казахи (так называемые алыпсатары), часть которых, разбогатев, стала оседать в городах, открывая постоянные дворы, скупочные центры, склады, лавки. И если поначалу в торговле имели преимущества русские или татарские купцы, то в предреволюционные десятилетия казахи уже стали вполне эффективно с ними конкурировать. Из зажиточной части казахов выросла прослойка молодежи, получившей высшее образование в России и уже профессионально занимавшейся интеллектуальными видами труда: юриспруденцией, литературой, журналистикой, наукой. Далеко не случайно среди образованной части казахского общества сформировалась достаточно активная прослойка интеллигенции, создавшей местное отделение кадетской партии, а в годы революции и самостоятельную партию Алаш, ориентиро-

ванную на провозглашение национальной автономии (Аманжолова и др. 2009: 90–99).

Если бы казахское общество продолжало существовать в условиях капиталистической экономики России, резонно было бы предполагать, что связи с российским рынком подвели бы его к дальнейшей специализации на основе развития животноводства с выходом на общероссийский уровень. Однако это неизбежно повлекло бы и углубление социальной дифференциации с переходом на торгово-промышленную основу, следовательно, разложение и трансформацию традиционных структур в организации хозяйства и перестройку социальных связей. Но революция резко изменила намечавшийся вариант встраивания в индустриальное общество.

В планы советского государства, естественно, тоже входил переход населения страны на уровень индустриальной цивилизации, но в отношении народов, в бытовом отношении оставшихся в условиях традиционного образа жизни, сделать это в рамках безболезненного подключения и перевода кочевников на современные варианты культуры и быта было особенно сложно. Вероятно, поэтому при разработке планов коллективизации в районах расселения казахов был взят курс на перевод всего населения на оседлость. Здесь обобществление скота в колхозах, смысл которого далеко не был понятен большинству казахов, и насильственный перевод на оседлость вообще вызвали неисчислимы бедствия, голод и лишения тысяч казахских семей и колоссальные людские потери. (По приблизительным подсчетам, прямые потери от голода 1931–1933 гг. и сопутствующей ему эпидемии тифа составили тогда от 1,5 до 1,75 млн чел., или до 42% казахов республики, см. Абылхожин, Козыбаев, Тамилов 1989: 670). Таким образом, столь насильственный вариант включения в процесс модернизации жизни привел в конечном счете к коренному изменению социальной структуры казахов, переменам в видах и характере занятий, демографических показателях.

К 70-м гг. XX в. эти процессы отчетливо отразились в данных статистики. Существенно на них повлияла и общесоюзная эпопея – освоение целинных земель в 1950–1960-е гг., вызвавшая как приток пришлого населения из центра страны, так и массовое вовлечение казахов в новые отрасли промышленного и сельского производства. При этом среди казахов, особенно северо-восточных районов, в 1950–1970-е гг. усилились темпы урбанизации (привлечение в отрасли добычи сырья, перерабатывающую и тяжелую индустрию). Тем не менее к 1989 г., когда в составе населения республики было уже более 57% горожан, среди казахов их насчитывалось только 39%. Причем показательно, что в казахском социуме по формальному признаку среди занятого населения доля рабочих составила на 1979 г. 6%, служащих – 28, а колхозников лишь 8% (к 1989 г. сократившись даже до 6%). Однако такая пропорция объ-

ясняется лишь тем, что в республике просто преобладала совхозная форма организации производства, соответственно сельские жители, работавшие в совхозах, числились рабочими. А вот по доле работников умственного труда казахи приблизились к другим крупным этносам Советского Союза (они составили 26,7% занятого населения на 1979 г., притом 20,7% занимались квалифицированным трудом; для сравнения – у украинцев было 26,3 и 19,5%). При таком раскладе получалось, что доля городского населения у казахов практически почти равнялась доле работников умственного труда (СКО 1986: 52–53, 56, 64). На основании приведенных цифр можно сделать вывод о том, что адаптация кочевников недалекого прошлого к условиям общества эпохи модерна в советском варианте в казахском случае произошла во многом путем подключения этнического большинства в специализацию на аграрной основе (производство зерновых культур в целинных совхозах и животноводческая специализация в предгорных районах юго-востока и в степных хозяйствах юга центрального и западного Казахстана). При этом была создана необходимая социальная инфраструктура с полноценным участием казахов в сфере умственного труда (административно-управленческих, художественно-творческих и массовых профессиях (образование и медицина)) (ДЭС 1985: 170–171; СКО 1986: 64). Но, учитывая живые и достаточно прочные родственные связи казахогорожан с сельской родней и сохранение многих хозяйственных и бытовых традиций, широкое употребление разговорного казахского в быту и развитие форм профессиональной культуры на литературном казахском языке (наряду с казахско-русским двуязычием и казахско-русским бикультурализмом в культурном потреблении), можно сказать, что все это вместе определяло сохранение этнического компонента идентификации большинства социума, а традиционные элементы культуры и быта, или сложившееся их отражение в сознании казахов, играли в этом не последнюю роль.

Похожие варианты встраивания в общесоюзные связи эпохи модерна посредством производственной специализации с заполнением определенной хозяйственной «ниши» на базе традиционных сельских видов производства, хотя и с внедрением современного технического компонента, но и с частичным сохранением кочевого хозяйства и быта, можно отметить и для некоторых других крупных кочевых в прошлом этносов, например на юге Сибири (Тува, Бурятия, Хакасия, Алтай). Здесь также сложились относительно благоприятные возможности для выбора индивидом рода занятий, включая промышленную и интеллектуальную сферы деятельности, и перспективы для социальной динамики. Впрочем, несмотря на возможности поддержания традиций, не особенно противоречивших социалистическим установкам «сверху», надо все же отметить и то, что порой динамика активного внедрения новаций и

сохранение традиций и этнического опыта в хозяйственной, бытовой сферах жизни, в культурном потреблении и ритуально-обрядовых практиках, неизбежно входили в противодействие друг с другом и в конкурентно-конфликтное противостояние.

Распад СССР и новые вызовы эпохи постмодерна

В 90-е гг. XX в. обстоятельства организации и условия функционирования социумов страны, в том числе этнических сообществ, в очередной раз существенно изменились в результате распада СССР. Разумеется, в дальнейшей судьбе всех его народов по-разному, но сказался переход от социалистического миропорядка к неведомому во многих аспектах бытия новому. Неведомому потому, что прошлый опыт существования в капиталистическом обществе императорской России был в чем-то искоренен, а в чем-то и попросту забыт, возврат же к нему если и был бы в какой-то степени возможен, но должен был происходить в уже принципиально изменившихся в техническом, культурно-бытовом и экономико-финансовом смыслах обстоятельствах. Принципиально иными они стали потому, что Россия и другие постсоветские страны, развивавшиеся в рамках индустриальной цивилизации, но по своим «лекалам» и несколько автономно от принципов действия этой цивилизации в западном ее варианте, после слома социализма внезапно оказались ввергнутыми в цивилизацию постмодерна, к функционированию по правилам которой были, естественно, совершенно не подготовлены: одно дело знать про нее из учений западных политологов и экономистов, но совсем другое – практический опыт.

Эпоха постмодерна, в которую с конца XX в. вступило человечество, сейчас формирует на наших глазах и с нашим, активным или пассивным, участием новые способы адаптации в среде, где индивид получает перспективы вписаться, более или менее благоприятно для себя, в воспроизводственные механизмы, опираясь на технику и организационные структуры, которые могут действовать уже относительно автономно от национально-государственных связей (а в эпоху модерна именно эти связи составляли основы воспроизводства населения государства и представленных в нем этносов). На индивидуальном уровне это, несомненно, открыло новые возможности для представителей всех народов, в том числе и для кочевых (ибо народов, не имевших представления об индустриальной культуре и ее возможностях, в СССР, благодаря установкам национальной политики, образованию и средствам коммуникации, практически не осталось). В смысле же воспроизводства таких этносов как культурно-исторических целостностей перспективы остаются весьма неопределенными. Ведь баланс интересов между государственной властью и этнокультурными группами

(включая хозяйственную специфику народов, сохранявших хотя бы отчасти подвижный образ жизни) до сих пор строился на основе или включения отраслей кочевого хозяйства в общегосударственную структуру разделения видов деятельности, или предоставления этническим группам на местах юридических и фактических возможностей жизнеобеспечения собственными силами, с эпизодической коммуникацией между ними и «метрополией» по мере возникающих потребностей. Ныне организационные основы действия подобного рода структур практически уже отсутствуют. Если в органах власти, исполнительной и законодательной, на местах есть депутаты или чиновники, которым поручено блюсти интересы коренного населения, как правило, у них нет реальных возможностей и рычагов для оперативного вмешательства в ситуации, требующие быстрого реагирования. Передача же хозяйственной инициативы в частные руки и на Севере, и в аридных и степных зонах чревата тем, что, согласно законам рынка, частный владелец заботится только об эффективном извлечении прибыли и обычно никак не связан заботой о населении, с которым приходится контактировать, и его интересах. Все это мы уже, как говорится, «проходили» в дореволюционные времена.

Надо отчетливо представлять себе то, что возможности комфортной адаптации в условиях постиндустриальной цивилизации на индивидуальном уровне, несомненно, чрезвычайно выросли, и это бесспорное благо и общее завоевание в развитии человека и цивилизации в XXI в. Но что касается равных (в идеале, по крайней мере) перспектив благоприятного вписывания в воспроизводственные связи постиндустриального мира на уровне общностей этнического или регионального порядка, в нашем случае кочевников, прошлых и настоящих, здесь вопрос остается открытым. Деструкция сложившихся в советские годы форм организации труда и поиски замены их какими-либо новыми формами пока не только не дают ответа на то, каковы могут быть перспективы этнокультурного воспроизводства, но рождают много новых вопросов. Эти вопросы имеют, конечно, свою специфику для каждого народа, но есть и общие проблемы со своими особенностями для крупных и малочисленных народов. Например, динамика численности городских и сельских жителей в составе таких этносов за постсоветский период. Роспуск колхозов, совхозов, промхозов, рыбхозов, в составе которых чаще всего трудились представители сельской части коренных народов, повлиял на то, что немалое число людей, оказавшись лишенными связи со стабильными оргструктурами недавнего прошлого, отправлялось в поисках работы в города или поселки городского типа. Они старались найти работу на промышленных предприятиях, хотя мало кто из таких новоиспеченных горожан имел навыки к жизни в иных условиях и к промышленному труду. Городская адаптация и город как относительно

новая среда обитания для выходцев из кочевых или полуоседлых этносов – очень сложная проблема для изучения вообще, традиция исследования которой в отечественной науке, можно сказать, только зарождается (Функ 2014: 8–14). Однако уже сопоставление статистических данных последней советской переписи 1989 г. и последней российской 2010 г. само по себе дает некоторую пищу для размышлений.

Сравнивая данные этих двух переписей по соотношению сельского и городского населения, можно встретить случаи очевидного роста доли горожан среди народов, до недавних пор сохранявших приверженность к сельскому образу жизни и даже кочеванию. Но есть и обратные процессы относительного сокращения доли горожан и ее увеличения у сельчан. Разумеется, каждое конкретное такое изменение может иметь свои объяснения. Например, среди крупных этносов, сохранявших преимущественно сельский образ жизни и частично кочевые традиции, численность горожан уже к 1989 г. превысила сельскую часть у башкир (51,15%). Однако, к 2010 г. число горожан-башкир сократилось (в абсолютных цифрах почти на 9 тыс., доля же снизилась до 46,2%). Произошло это на фоне общего прироста башкир за 1989–2010 гг. на более чем 135 тыс. чел. В данном случае такая динамика объясняется, по видимому, меньшими темпами естественного воспроизводства в городе в сравнении с селом. При преобладании в Республике Башкирия горожан уже к 1989 г. (57% жителей всех национальностей были горожане), очень значительная часть башкир-горожан проживала в городах соседних областей Уральского региона и Поволжья. А это русские города, где преобладает русскоязычная среда общения. И это уже путь к естественной постепенной ассимиляции преобладающим этническим большинством, в том числе через увеличение доли этнически смешанных семей, в которых дети, выросшие в русскоязычной среде, соответственно, нередко усваивают русскую идентичность одного из родителей.

За годы советской власти в Башкирии была создана мощная база для функционирования разнообразных сфер культуры профессионального уровня, что непосредственно отразилось и на развитии профессиональных форм башкирской культуры. Национальная политика современной России сохраняет преемственность в поддержании сфер культуры народов федерации, по крайней мере, имеющих национально-административные образования. Республика по-прежнему обладает серьезным потенциалом и возможностями в его функционировании. Но есть и объективная сторона: формы культуры профессионального уровня все же больше воспринимаются в городской среде, когда же горожан много за пределами собственного национального образования, встает вопрос, насколько эти формы функционально значимы для таких горожан.

Высокие темпы роста числа горожан отмечены за постсоветский период у бурят и тувинцев (в абсолютных цифрах на 42 и 63,5 тыс. соот-

ветственно; доля же горожан выросла на 5,1% – до 47,1% у первых и на 17,1%, достигнув 48,9%, у вторых). Здесь, по-видимому, высокие темпы урбанизации связаны с процессами перестройки тех хозяйственных структур села, которые действовали в советский период, и с подъемом образовательного уровня населения, естественной тяги к интеллектуально насыщенным видам умственного труда. Надо сказать, что обе республики располагают солидными учреждениями высшего и среднего образования, приток новоиспеченных горожан во многом связан и с их деятельностью. В то же время город сейчас привлекает молодежь и людей среднего возраста также возможностями самостоятельного включения в средний и мелкий бизнес. Во всяком случае, ценностное отношение к возможностям города и образования переходит в практическую плоскость.

Приблизительно равные пропорции горожан и жителей села, с минимальным изменением соотношения за постсоветское время, у хакасов и калмыков (в 2010 г. 43,3% горожан у хакасов и 51,1% у калмыков). Что касается калмыков, то высокая доля горожан уже в советское время (49,7% в 1989 г.) в немалой степени была результатом печально известного выселения в годы войны, когда многие вынуждены были заниматься новыми для них видами деятельности. Хакасы же, занимая территорию вперемешку с русскими поселениями и новыми городами, достаточно давно стали постепенно приобщаться к городским профессиям. И в том, и в другом случаях динамика развития видов деятельности разнообразного, в том числе индустриального, характера была вполне очевидной. Условия же развития в обеих республиках образования и профессиональных форм культуры в целом также довольно благоприятны.

У таких народов степных и горно-степных районов, как алтайцы, ногайцы и казахи (живущие в России), численность сельских жителей осталась значительно больше, чем горожан (соответственно 76,9; 71 и 63,3%), хотя у ногайцев прирост доли горожан между 1989 и 2010 гг. составил 10,6%. Из них алтайцы имеют республику, соответственно, в ее центре, Горно-Алтайске, есть разнообразные национально-культурные институты, в которых алтай-кижи и другие тюркоязычные народы региона активно работают. Но в целом приоритет сельских занятий сохраняется. У казахов относительная доля горожан за конец XX – начало XXI в. немного сократилась (относительное сокращение доли городских жителей наблюдалось и в Республике Казахстан с 1999 по 2009 г.). Там в абсолютных цифрах выросло число и горожан, и жителей сел, но изменение пропорции произошло за счет превышения рождаемости на селе в несколько раз. Казахи, сохраняющие приверженность сельскому образу жизни, по-прежнему преобладают над горожанами. В то же время казахи активно включались в городские и

многие новые сферы занятости, связанные с бурно развивавшимися процессами в сферах промышленности, бизнеса и профессиональной культуры.

Иные последствия роста числа горожан могут проявиться в случае с малочисленными народами Сибири, для которых промысловое хозяйство имело важнейшее значение. Между 1989 и 2010 гг. рост числа горожан наблюдался почти у всех из них, составив от четверти до более чем половины этноса (у манси – 57,3%). Правда, не всегда эти цифры есть показатель принципиальной смены рода занятий и образа жизни, есть и такие семьи, кто по тем или иным причинам просто приписан к городскому поселению. Но в большинстве своем это явление все же связано с принципиальной сменой рода занятий из-за упомянутого выше кризиса традиционных отраслей и форм их организации. А с какими сложностями связана эта новая адаптация в городе, хорошо показано в работе Л.Н. Хаховской на примере жителей г. Магадана из числа коренных народов региона; ею же отмечены новые черты в формировании их этнической и этнокультурной идентификации (Хаховская 2014: 39–59). Не менее интересны и процессы появления и становления новых лидеров из числа горожан – защитников интересов коренного населения (Балзер 2014). Хотя все это пока мало проясняет этно-воспроизводственные перспективы промысловых народов в новых обстоятельствах бытия, однако мониторинг таких процессов необходимо продолжать.

Исключение по части долей соотношения городского и сельского населения среди малочисленных этносов представляют только ненцы (у них доля горожан с 1989 по 2010 г. снизилась с 17,8 до 8%) и удэгейцы (с 37,6 до 25,1%). Незначительно (на 0,5%) их стало меньше также у тофаларов, но их и было всего 13,4%. Случай с ненцами (у них в абсолютных цифрах городское население выросло, но еще значительнее прирост был у сельской кочевой части, что и изменило пропорцию) особый в том отношении, что он показал принципиально более высокую степень адаптации к современным условиям бытия. Это пример удачного сочетания автономности жизнеобеспечения с навыками усвоения инноваций, в том числе социально-бытовых и технических. Ненецкий образ жизни, сложившийся в основных чертах уже в эпоху модерна, вероятно, не в последнюю очередь по этой причине оказался более устойчив и жизнеспособен и в современную эпоху. В случае же удэгейцев и тофаларов, возможно, промысловая охота одних и оленеводство с охотой у других нашли на локальном уровне свою хозяйственную «нишу».

Заключение

Изложенные здесь соображения о путях и конкретных особенностях контакта кочевых в прошлом народов с миром индустриальной цивили-

лизации периода модерна и в условиях нынешнего постиндустриального общества – только некое введение к постановке заслуживающих серьезной разработки проблем, касающихся изучения процессов адаптационного характера у этих народов в современном мире. Из них целесообразно выделить следующие.

Проблема адаптации на индивидуальном уровне. Возможности адаптации в мире постмодерна, опирающейся на множество нитей глобальных взаимосвязей и сетевых коммуникаций, для выходцев из кочевых народов на уровне индивида действительно становятся безграничными, даже вне зависимости от места обитания такого индивида. Однако успешное встраивание в современные структуры жизнедеятельности, может быть, особенно сопряженное с коммерческим успехом, как бы почти автоматически «возносит» индивида на наднациональный или надэтнический уровень, делает гражданином глобального мира, живущего совсем иными интересами и оперирующего другими категориями, что можно уже наблюдать на примере части элиты у казахов, башкир и некоторых других добившихся успеха личностей у ряда народов. Меценатство, забота о развитии культуры на родине, к сожалению, далеко не правило и не жизненное кредо таких индивидов, а их связь с национально-этническим воспроизводством и его перспективами тоже нередко остаются вне сферы их интересов.

Проблема изменений в расселении. Увеличение доли городского населения имеет для крупных и малочисленных народов, по-видимому, неодинаковые, в смысле воспроизводства этнокультурной специфики, лежащей в основаниях идентификации, последствия. Крупные этносы, особенно живущие в административных границах своих национальных образований, имеют неплохие перспективы для профессионализации культуры и видов деятельности, с включением в них коренных национальностей и формированием двух- или поликультурной среды культурного потребления. При этом национальная культура, как в фольклорном, так и в профессионализированном вариантах, как и сохранение части традиционных ритуально-обрядовых практик, служат важными факторами идентификации. В случае же малочисленных этносов переселение в город с преобладанием иноэтничного населения и включение в городские сферы деятельности чреваты постепенной утратой традиционной этничности как основания идентификации. Соответственно, в идентификации может усиливаться идеологически конструируемая составляющая. Включение же в городские сферы деятельности посредством поиска неких этнически специфичных «ниш» труда для них представляется проблематичным. Виды деятельности эпохи постмодерна, так же как их организационные формы, очевидно, приобретают характер вненациональный и даже внелокальный, иногда только с ис-

пользованием глобальными корпорациями этнической символики, но лишь для привлечения потребителя (Хантер, Йейтс 2004: 360–361).

Другой вариант выстраивания организации жизни и быта в современной действительности – еще имеющиеся случаи возврата части кочевого населения к традиционным вариантам самообеспечения с рекulturацией доиндустриальных навыков в хозяйстве и в быту, возрождением утраченных было форм религиозных и обрядовых практик. Интересно, что в практику подобных общин иногда начинает входить и обслуживание привлеченных архаичной «экзотикой» туристов, т.е. получается определенный синтез натурального самообеспечения и преобразование его в своего рода сферу услуг эпохи постмодерна.

Все это вместе показывает, что кочевые культуры, имея огромный тысячелетний опыт жизнеобеспечения и адаптации в среде, по-разному, но встроенные в общества эпохи модерна, ныне, в постиндустриальную эпоху, оказались перед очередной необходимостью приспособления к ее правилам и параметрам жизнеобеспечения. И пока совсем неясно, насколько они смогут к ней приспособиться, и сохранят ли эти варианты их адаптации возможности их бытия и воспроизводства как культурно-исторических феноменов в не законсервированных формах возрожденных и поддерживаемых традиций, а как социумов современного уровня с использованием всех механизмов адаптации эпохи постмодерна. Поэтому так важны все опыты исследования современных процессов их жизнедеятельности и всех ее граней. Что и стремились показать по мере возможности авторы предлагаемых вашему вниманию статей специальной темы номера «Кочевники в мире модерна и постмодерна».

Литература

- Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.Б., Татимов М.Б.* Казахская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 25–32.
- Аманжолова Д.А., Асылбеков М.-А.Х., Рысбекова С.Т.* Портреты на фоне эпохи. К 90-летию движения Алаш // Исторический архив. 2009. № 1. С. 90–99.
- Балзер М.М.* Коренные космополиты, экологическая защита и активизм в Сибири и на Дальнем Востоке // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 15–38.
- Бахрушин С.В.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Научные труды. М., 1955 а. Т. III, ч. I. С. 226–251.
- Бахрушин С.В.* Покрута на соболиных промыслах в Сибири // Научные труды. М., 1955б. Т. III, ч. I. С. 198–211.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. IV. С. 7–214.
- Головнёв А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: Уро РАН, Волот, 2009.
- ДЭС: Демографический энциклопедический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1985.
- Еремеев Д.Е.* К проблеме происхождения и развития кочевничества // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1979. № 3. С. 11–19.
- Крадин Н.Н.* Кочевые общества в контексте стадийной эволюции // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 62–72.

- Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб., 1878. Ч. II, отд. VI. СКО: Социально-культурный облик советских наций. По результатам этносоциологического исследования / Под ред. Ю.В. Арутюняна, Ю.В. Бромлея. М.: Наука, 1986.
- Тортика А.А., Михеев В.К., Кортнев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 49–62.
- Трепавлов В.В. Степные империи Евразии. Монголы и татары. М.: Квадрига, 2015.
- Функ Д.А. Коренные народы Севера – горожане арктических широт. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 8–14.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- Хазанов А.М. (сост.), Крадин Н.Н., Баскин Л.М., Грей П.А., Жапаров А.З., Янзен Й. Экономика мобильных скотоводов в постсоветских странах // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 5–82.
- Хантер Д.Д., Йейтс Д. Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 341–377.
- Хаховская Л.Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.
- Широкогоров С.М. Письма к В. Мюльману // Мюльман В. С.М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 144–155.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2016 г.

Karlov Viktor K.

NOMADS IN A WORLD OF MODERNITY AND POST-MODERNITY. EXPERIENCE OF AND PROSPECTS FOR ADAPTATION*

Abstract. The article explores issues in the research on nomadic peoples and cultures in early modern and contemporary times. The author believes that the currently used scientific approaches toward studying Eurasia's nomadic civilizations as, for the most part, a relic of the pre-industrial development period and the way to see their economic activities and social organization as a phenomenon indicative of their archaic nature have to be revised, for the long period of existence of the past and present nomadic societies in the context of contact and interaction with the world of modernity and post-modernity resulted in the introduction of many – now functionally necessary – novations and innovations into the life of these societies. This experience and the effects of influence exerted on the nomadic way of life by the relationships with the cultural world of the industrial and post-industrial periods have to be studied and systematized which is, in turn, needed for the understanding of prospects for reproduction and change in the ethno-culturally distinctive characteristics of today's nomads. The author provides certain examples of changes in a number of peoples in Russia and adjacent territories (i.e. numerically small indigenous peoples of Siberia, nomads of the steppe zone) showing the basis for ethnic identification and its preservation or transformation in the context of change, and analyzing possible prospects for and specificities of reproduction of nomadic peoples and of their traditions facing the realities of the post-industrial world.

Keywords: Nomads of Eurasia's subarctic and steppe zones, specifics of life in the era of modernity and post-modernity, ethno-cultural reproduction, nature of contact between nomadic and sedentary societies

DOI: 10.17223/2312461X/14/7

*The article is written in the framework of the project 'Nomadic societies in the industrial and post-industrial world', supported by the Russian Foundation for the Humanities (grant #15-01-00442).

References

- Abylkhozhin Zh.B., Kozybaev M.B., Tatimov M.B. Kazakhstanskaia tragediia [The Kazakhstan tragedy], *Voprosy istorii*, 1989, no. 7, pp. 25-32.
- Amanzholova D.A., Asylbekov M.-A.Kh., Rysbekova S.T. Portrety na fone epokhi. K 90-letiiu dvizheniia Alash [Portraits against the backdrop of the epoch. Associated with the 90th anniversary of the Alash movement], *Istoricheskii arkhiv*, 2009, no. 1, pp. 90-99.
- Balzer M.M. Korennye kosmopolity, ekologicheskaiia zashchita i aktivizm v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Indigenous cosmopolitans, environmental protection, and activism in Siberia and the Far East], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2014, no. 2, pp. 15-38.
- Bakhrushin S.V. Torgi gostia Nikitina v Sibiri i Kitae [The visitor Nikitin's bargaining in Siberia and China], *Nauchnye trudy, t. III, ch. I* [Scientific works, vol. III, part I]. Moscow, 1955, pp. 226-251.
- Bakhrushin S.V. Pokruta na sobolinykh promyslakh v Sibiri [The practice of pokruta at the sable production sites in Siberia], *Nauchnye trudy, t. III, ch. I* [Scientific works, vol. III, part I]. Moscow, 1955, pp. 198-211.
- Bakhrushin S.V. Ocherki po istorii Krasnoiarskogo uezda v XVII v. [Essays on the history of the Krasnoyarsk uezd in the XVII century], *Nauchnye trudy, t. IV* [Scientific works, vol. IV]. Moscow, 1959, pp. 7-214.
- Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniia (drevnosti Severnoi Evrazii)* [The anthropology of movement (ancient artifacts of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Uro RAN, Volot, 2009.
- DES: Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [DED: Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1985.
- Eremeev D.E. K probleme proiskhozhdeniia i razvitiia kochevnichestva [On the issue of origins and development of nomadism], *Vestnik Mos. universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 1979, no. 3, pp. 11-19.
- Kradin N.N. Kochevye obshchestva v kontekste stadial'noi evoliutsii [Nomadic societies in the context of stadial evolution], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 1, pp. 62-72.
- Middendorf A.F. *Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri. Ch. II, otd. VI* [Journeys to the North and the East of Siberia. Part II, section VI]. St. Petersburg, 1878.
- SKO: Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii. Po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo issledovaniia* [The socio-cultural hypostasis of the Soviet nation. Based on the results of ethno-sociological research]. Eds. Iu.V. Arutiuniana and Iu.V. Bromleia. Moscow: Nauka, 1986.
- Tortika A.A., Mikheev V.K., Kortiev R.I. Nekotorye ekologo-demograficheskie i sotsial'nye aspekty istorii kochevykh obshchestv [Some ecological, demographic, and social aspects of the history of nomadic societies], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 1, pp. 49-62.
- Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii. Mongoly i tatory* [The steppe empires of Eurasia. Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga, 2015.
- Funk D.A. Korennye narody Severa – gorozhane arkticheskikh shirot. Vvedenie k spetsial'noi teme nomera [Indigenous peoples of the North – city dwellers of the Arctic latitudes. An introduction to the issue's special theme], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2014, no. 2, pp. 8-14.
- Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshnii mir. Izd. 3-e* [Nomads and the outside world. Issue 3]. Almaty: Daik-Press, 2002.
- Khazanov A.M., sostavitel', Kradin N.N., Baskin L.M., Grei P.A., Zhaparov A.Z., Ianzen I. *Ekonomika mobil'nykh skotovodov v postsovetskikh stranakh* [The economy of

- mobile pastoralists in post-Soviet countries], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 2, pp. 5-82.
- Khanter D.D., Ieits D. Mir amerikanskikh globalizatorov [The world of American globalizers], *Mnogolikaia globalizatsiia* [The multi-faceted globalization]. Eds. P. Bergera, S. Khantingtona. Moscow: Aspekt Press, 2004, pp. 341-377.
- Khakhovskaia L.N. Aborigeny v gorode: etnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Aboriginals and the city: an ethno-cultural portrait of the city dwellers of Magadan], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2014, no. 2, pp. 39-59.
- Shirokogorov S.M. Pis'ma k V. Miul'manu [Letters to V. Myulman] // Miul'man V. S.M. Shirokogorov. Nekrolog. (s prilozheniem pisem, fotografii i bibliografii) [Myulman V. S.M. Shirokogorov. The obituary (accompanied with letters, photographs, and bibliography)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2002, no. 1, pp. 144-155.